

В. А. ВРОНСКАЯ

Свердловск

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА СТЯЖКИНА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Имя Ивана Яковлевича Стяжкина хорошо известно уральским краоведам и фольклористам. В Государственном архиве Свердловской обл. хранятся фольклорные записи И. Я. Стяжкина, объединенные им под общим названием «Народная литература Камышловского уезда»¹. Стяжкин работал заведующим Колчеданским мужским училищем и имел возможность вести стационарное наблюдение над бытованием фольклора, что повышает ценность его материалов. 1896 г. датируется его первая фольклорная запись (№ 93—95), последняя запись начального периода датирована 1915 г. Таким образом, первый период собирательской деятельности И. Я. Стяжкина относится к 1896—1915 гг., а не к 1899—1914 гг., как утверждал М. Г. Китайник².

Практически записи И. Я. Стяжкина дают представление о всех основных жанрах русского фольклора, бытовавших в то время. Каждому жанру посвящается отдельный раздел. Вся рукопись занимает 925 страниц. К ней приложено подробное оглавление с указанием номера отдела и перечня всех входящих в него произведений. Записи сделаны на двойных листах белой нелинованной бумаги, сшитой в тетради (8 тетрадей). Все листы пронумерованы собирателем. Каждый текст отделяется от следующего волнистой чертой. В конце каждого отдела указана должность и место жительства собирателя. Затем приписано: «Заведующий краеведческим музеем. Город Каменск Челябинской области, ул. Кирова, 19. 2 апреля 1936 года». Вероятно, в этом году И. Я. Стяжкин пересматривал свои записи. Всего в рукописи 9 отделов, хотя, судя по оглавлению, их должно быть 11. Отсутствуют «Предисловие»,

¹ ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 756.

² М. Г. Китайник. Устное поэтическое творчество Урала. — «Уч. зап. Уральск. ун-та». 1949, серия филологическая, вып. 6, стр. 27.

отдел I «Духовные стихи» и отдел II «Словарь говоров крестьян Камышловского уезда» и «Собственные имена». От первого отдела сохранился только лист нотной бумаги с образцами мелодий к четырем стихам. Особенно существенна утрата раздела о собственных именах, где, возможно, давались сведения о собирателях.

Второй отдел включает, по определению собирателя: «Проголосные песни» (100 номеров), к которым также даны образцы мелодий (14 номеров). Принцип выбора песенных текстов, к которым приложены мелодии, не мотивирован собирателем и остается неясным. Отбор материала для этого отдела не бесспорен. В нем встречаются тексты, которые скорее можно отнести к следующему отделу — «Плясовые песни» (например, № 42 — о старике, задумавшем жениться, № 52 — о барыне в салопе). В записях сделаны отметки, какие строчки повторяются дважды, сохранены диалектные особенности (фонетические — *с* вместо *ц*, *я* вместо *е* — «не жалает», «сял», *j* вместо *о* — «йёкошко» (окошко), *j* вместо *у* — «йюпал» (упал), сокращенные окончания глаголов — «думат», «гадат», некоторые диалектные слова: «обрушник», «обвенешник» вместо «суженый», «зверовать» — вместо «охотиться», «охота» — вместо «охотничьи собаки» и т. д.). К отдельным песням сделаны дополнительные заметки: «старинная», «новая», «сибирская». Например, к песне № 14 дана заметка: «В Подриге знают немногие», к песне № 17 — «Песня сибирская. Принесена сюда из тайги крестьянином д. Соколовой Колчеданской волости Афанасием Семеновым Ляховым». Также даны указания относительно мелодии. Например, к № 30 — «Мотив предыдущей песни», к № 29 — «Мотив как и у № 11». Подобные заметки встречаются во всех песенных отделах рукописи. Они свидетельствуют о стремлении автора разобраться в жизни народной песни, в своеобразии и изменениях песенного репертуара Камышловского уезда и имеют несомненное значение для современного исследователя.

Песенный репертуар представлен еще в четырех отделах: 3, 4 (частично), 5, 6. Третий отдел содержит песни «походячие», «ларочные», «игрищевые» (48 текстов). Часть песен (около 200) приводится в четвертом отделе, где дано описание свадебного обряда. Пятый отдел состоит из 13 текстов плясовых песен.

Особенную ценность представляет шестой отдел, содержащий «припевки», «повертушки» (частушки), так как именно этот песенный жанр меньше всего изучался и собирался до революции.

Стяжкин дает 700 номеров частушек, но под некоторыми номерами дается 2, а иногда и 4—7 частушек. Так что общее число их значительно больше. Обычная форма частушки — четырехстрочная. Реже — шестистрочная. Чаще всего это любовные частушки девушек, реже — частушки парней (№ 617—678 и некоторые разрозненные тексты). Так же, как и к песням, к частушкам даны мелодии (одна для № 1—183, затем для следующих пяти и т. д.). В частушках более полно, чем в песнях, отразилось своеобразие социально-экономической жизни Урала. В песнях чаще

всего встречалось местное приурочение общерусских вариантов, в частушках — своеобразие местной жизни нашло отражение в тематике и образах. Здесь мы найдем отражение **приисковой работы**:

Ой, ты, милушка, баска, не ходи на прииска:
Там тяжелая работушка — немые песка (№ 16).
Нонче снега не глубоки, выпадают глубоко.
Наше дело небогато, ходим робить далеко (№ 116).

Упоминается работа в **казенном лесосеке**, такая обычная для Урала, **временная заводская работа**.

Мой-от миленький уехал во казенный лесосек.
Ево милочка молила, чтобы ручки не посек (№ 162).
Чем я милова утешу? Чем ево развеселю?
На завод схожу поробить, папиросочек куплю (№ 339).

Здесь же упоминается работа в дробилке, на руднике, десяти-ки, штейгеры, отражаются социальные противоречия.

Хоть какому богачу
Рожу на бок сворочу (№ 467).
По дорожке шла, прокламацию нашла,
Не пилось, не елось, прочитывать хотелось. (№ 797).

Интересна частушка сравнительно редкого текста:

Теща моя, добродушная
Заплати-ко за меня все подушные (№ 617).

Простое перечисление песен позволяет судить о богатстве репертуара. Песни отличаются большим тематическим и сюжетным разнообразием. Многие тексты выделяются полнотой, в них сохраняется традиционная для лирической песни система поэтических образов. В песне «Что вьешься, черный ворон» (№ 6) мы встречаем такие образы-символы: сабля—сваха, месяц—отец, заря—родная матушка, звезды—сестры. Очень полным текстом представлена песня «Калина с малиной рано расцвела» (№ 10). Наряду с традиционными песенными текстами встречаются и тексты, в которых чувствуется влияние нового времени, городского быта.

№ 7 — «Стаканы, бокалы в комодѣ стоят,
Калоши хороши в прихожей лежат.

№ 12 — На картине мил срисован,
На стене милой прибит.

Видю с милого патрет.

№ 38 — упоминает фабричных ребят, которые «голы, удалы»,

№ 54 — у «некрутов со калошам сапоги, со набором каблуки, у них тросточки в руках, папиросы во устах». Некоторые песенные варианты представляют собой интересную контаминацию известных песенных сюжетов. (Например, № 4 — «Скучно жить сиротинке на чужой стороне»). Полнота и разнообразие собранных Стяжкиным песенных текстов позволяют судить о тех изменениях, которые наблюдаются в устном народном творчестве конца XIX—начала XX вв.

На некоторых текстах чувствуется отпечаток местных условий жизни. В них упоминаются уральские города, реки (Шадрин-городок, Колчедановский вал). Значительное место занимают завод, заводская работа, металл. В песне № 49 казак обещает девушке: «Чугунными плитами весь мост устелю»³. Интересно, что печальный конец, характерный для этого песенного сюжета (гадания цыганки сбылось, мост рухнул и невеста утонула) здесь отсутствует. Может быть, в этом проявилась реалистичность мышления уральских рабочих. В песню введен мотив чугунного моста, увинченного железными винтами, обтянутого медными шнурами. В связи с этим изменилась сюжетная концовка. Подобные элементы встречаются и в сказках, а также в частушках.

Очень интересен седьмой отдел «Сказки» (23 текста). В отличие от всех других отделов здесь указано, от кого записан текст, но других (более подробных) сведений об исполнителях не приводится. Сказки записывались от людей старшего поколения и от учащихся Колчеданского мужского училища. Тексты разнообразны по характеру и по сюжетам. Не все они одинаковы по полноте и художественной значимости. Среди них выделяется сказка «Коре-пушка» — интересный вариант сюжета об оклеветанной жене. (1-я половина сказки: Андреев — Аарне, № 707, 2-я половина в указателе мною не обнаружена). Герой женится на девушке, которая обещает родить трех сыновей, «по локоть руки в золоте, по колен ноги в серебре, во лбу солнце, по щекам частые звездочки, а в затылке месяц». На пир не позвали Бабу-Ягу, за это она превращала рожденных сыновей в голубей, а вместо них подсовывала котенка, щенка, а потом своего внука Корепушку. Жена вместе с Корепушкой была брошена в море в засмоленной бочке и дальнейшее содержание строится на борьбе Корепушки с Ягой.

Обычные для сказки сюжетные ситуации и мотивы получают здесь особое освещение в связи с тем, что добрые дела творит внук Яги. Сказка сохраняет многие традиционные образы, языковые формулы, наблюдаются попытки ритмической организации речи: «Все стали добреть да хорошеть, а народ все богатеть да богатеть. Царя и по се время славят, а Корепушку-молодца хвалят». Но вместе с тем здесь есть и отпечаток нового времени. Иван-царевич решает жениться на крестьянке, так как деревенские женщины, хотя «не так великаты и корсетов не носят», зато «к работе сподручнее», такая жена ни от чего «в истерику не падет».

Сюжеты сказок о царе Соломоне и царе Соломке, о нелюбимой младшей дочери Луше представляют собой контаминацию общеизвестных сказочных мотивов, но в оригинальном сочетании. Здесь тоже чувствуется влияние местных условий: упоминаются казен-

³ Вариант этой песни (со ссылкой на «Пермские губ. ведомости», 1880, № 101, 17 декабря) удачно использован П. Г. Ширяевой при выяснении своеобразия рабочих песен второй половины XIX в. (См.: Русское народное поэтическое творчество, т. 2, кн. 2. М.—Л., 1956, стр. 36—37).

ные амбары («Царь Соломка»), Луша велит своему жениху выстроить от дворца до собора чугунный мост с хорошими маковками (сказка «Луша»), неоднократно упоминается Урал. Сказывается знание свойств металлов. Двери были железные, а зубы у Кошея стальные, поэтому он мог двери прогрызть («Про старикова сына и Кошея»). 6 номеров сказок записаны в селе Завьяловском от бабушки Афанасьи Акимовны Кузнецовой в 1898—1899 гг., с № 7 начинаются колчеданские сказки, записанные от разных лиц. В каждом случае указано, от кого и когда сделана запись.

Различаются собственно сказки и сказки-побывальщины (былички). Так квалифицирован текст № 4 — «Женитьба», основанный на вере во всевозможные проделки нечистой силы. Сказки различны по характеру: волшебные, бытовые, сатирические сказки о полах. В них много обычных сказочных формул, обилие повторов, диалогов и разговорных интонаций. Многие сказки отмечены включением бытовых подробностей: богатый дом, крытые тесом сараи, занавески на окнах, strada, не позволяющая крестному ездить с крестником и искать для него невесту.

Записи сказок И. Я. Стяжкина позволяют утверждать, что в начале XX в. на Урале сохраняла свое значение сказочная традиция. Сказку рассказывали разные люди: старые и молодые, мужчины и женщины. В это время продолжали бережно сохранять основную сюжетную канву, сказочную поэтическую традицию, хотя влияние нового времени уже явно ощущалось.

В восьмом отделе приведены заговоры (наговоры) (6 номеров) и приметы (5 номеров). Очень малое число заговоров и примет обращает на себя внимание. При добросовестности Стяжкина трудно предполагать, что он подобные жанры не фиксировал, очевидно, они к этому времени уже не имели широкого распространения. Возможно и не вполне одобрительное отношение Стяжкина-учителя к этим жанрам, содержащим народные суеверия.

Девятый отдел составляют загадки (320 номеров), расположенные по алфавиту отгадок, и пословицы (14 номеров).

Десятый отдел содержит описание вечеров, артелей, последнего дня масленицы в Подриге и Колчедане. Среди этих материалов интересны так называемые «Бусары» (по пояснению Стяжкина — гусары). Даны два варианта — 1860 г. и 1897 г. Это своеобразная игра, не имеющая определенного словесного текста. Она предполагает наличие подготовленных костюмов, выполнение определенных действий и в этом отношении представляет собой своеобразную форму народной драмы. Может быть, словесный текст раньше был полнее. В записи же 1897 г. он состоит из отдельных команд. По всей вероятности, эта форма народной игры постепенно разрушалась, вытесняемая социально более значительными народными драматическими представлениями.

Стяжкин выступает и как добросовестный этнограф. В четвертом отделе он дает подробное описание местного свадебного обряда с приложением сопровождающих его песенных текстов, а

также многих приговоров дружки, которые сравнительно редко даются в фольклорных сборниках. С этнографической точки зрения интересны и замечания о костюмах, а также подробное описание подаваемых на празднествах блюд.

Весь этот материал имеет несомненную ценность и следовало бы его опубликовать. Он способствует выяснению основных процессов в фольклоре на рубеже XIX—XX вв., определению тех основ, на которых позднее складывается советский фольклор.
